

реформатора, церковь открыто выступила против него, признав мыслителя богоотступником, недостойным религиозного обряда погребения. Официально было принято решение — запретить совершение поминовения и заупокойной литургии в случае смерти Толстого, которое разослали по всем епархиям. А после выздоровления писателя, уже несколько позднее, вышло в свет «Определение Синода», в котором тульского дворянина объявили лжеучителем, создателем чужеродной веры. Как утверждалось в «Определении...», он «в прельщении гордого ума своего дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достоинство, явно пред всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви Православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной...».

Из сказанного можно заключить, что несмотря на различия, обусловленные географическими и историческими условиями, социальным статусом мыслителей, разностью религиозных культов, с которыми они входили в непосредственное соприкосновение, результат, между тем, получился практически идентичный — обоих подвергли унижению, как хулителей церкви и ее священной доктрины. Однако, все это не сломило ни немецкого философа, ни русского писателя, которые даже после наложенных взысканий продолжили дело своей жизни. Они и дальше активно трудились над созданием собственных философско-теологических концепций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Абрамов А. И.* Кант в русской духовно-академической философии // Кант и философия в России. М., 1997. С. 112.
- ² *Смирнова З. В.* Гершен и Кант // Кант и философия в России. С. 31.
- ³ *Чернышевский Н. Г.* Избр. Филос. соч.: В 3 т. М., 1951. Т. 3. С. 784.
- ⁴ *Соловьев В. С.* Критика отвлеченных начал // Собр. соч. Т. 2. С. 161.
- ⁵ *Кант И.* Соч.: В 6 т. М. 1964. Т. 3. С. 109.
- ⁶ *Соловьев В. С.* Философские начала цельного знания // Собр. соч. Т. 1. С. 345.
- ⁷ *Соловьев В. С.* Критика отвлеченных начал // Собр. соч. Т. 2. С. 111.
- ⁸ *Розанов В. В.* Кроткий демонизм // Соч.: В 2 т. Т. 1. Религия и культура. С. 205.
- ⁹ *Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый // Соч.: В 2 т. Т. 2. Уединенное. М. 1990. С. 341.
- ¹⁰ *Розанов В. В.* Уединенное // Соч.: В 2 т. Т. 2. Уединенное. С. 251.
- ¹¹ *Кант И.* Соч. Т. 3. С. 76.
- ¹² *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 28. С. 208.
- ¹³ *Чуприна И. В.* Нравственно-философские искания Л. Толстого в 60-е и 70-е годы. Саратов. 1974. С. 111.
- ¹⁴ Цит. по: *Паульсен Ф.* Иммануил Кант, его жизнь и учение. Б. М. 1905. С. 51.
- ¹⁵ Цит. по: *Петров Г. И.* Отлучение Льва Толстого от церкви. М. 1978. С. 30.

А. Ю. КУЗНЕЦОВ

ИДЕЯ МОНАРХИИ В КИЕВСКОЙ И МОСКОВСКОЙ РУСИ

Сегодня весьма распространенным является мнение об особом, прерывистом ритме исторического процесса в России. Эта мысль была в свое время обоснована Николаем Бердяевым, который ут-

верждал: «В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию»¹. Видимо мы бы добавили еще и какую-нибудь «постсоветскую», а Г.В. Вернадский выделяет древнюю, то есть докиевскую Русь. Несомненно, что при внимательном рассмотрении можно обнаружить в истории не меньшее количество Европ, Китаев или Индий, ибо научная методология естественным образом предполагает периодизацию протекающих во времени процессов. Таким образом, можно предположить что, особенная прерывистость или фрагментарность — это характеристика не столько специфики русской истории, сколько специфики кризисного сознания переходных периодов. Однако, как периодизация, предложенная схема выглядит верной и даже является в целом общепринятой.

В этом ряду разрыв между Русью киевской и московской выглядит, если и не менее контрастным, чем между другими историческими периодами, то, по крайней мере, вполне объяснимым. Кажется очевидным, что нашествие иноплеменников в начале XIII в. на какое-то время прервало и затормозило развитие русской цивилизации, отбросило Россию назад на двести пятьдесят лет. Эта схема «догоняющего развития», которую можно назвать западнической, стала превалировать в российской исторической науке с XVIII в. Даже Советский Союз постоянно догонял Запад, то есть Европу и США, несмотря на то, что они, согласно официальной точке зрения, «катились в пропасть». Значит, сравнение между собой, выявление сходства и отличий, определение места и значения в истории России в целом Руси киевской и московской — это проблема не только сугубо научная, теоретическая, но и актуальная, мировоззренческая.

Итак, попробуем сравнить Русь киевскую и московскую. Посмотрим что и как именно изменилось в результате татаро-монгольского нашествия, а что осталось неизменным, позволив осуществить связь времен.

Самым очевидным обстоятельством кажется то, что Русь киевская и московская различаются географически. И главное здесь даже не само по себе перемещение политического центра государства на 1000 км в северо-восточном направлении. Главное — это различие основных геополитических векторов. Для Руси киевской определяющее значение, как и для Европы, имела оппозиция Север-Юг. Для политической элиты и народа киевской Руси контроль пути «из варяг в греки», по мнению Г.В.Вернадского, имел не только большое экономическое и политическое, но и сакральное значение. Для северных славян это была связь с легендарной прародиной. Для скандинавов овладение южными морями было заветной мечтой, возможно даже частично осуществленной². Московская Русь с самого момента своего появления находится не столько в географическом, сколько именно в геополитическом пространстве между Западом и Востоком. Такая смена геополитических векторов — это и не шаг назад, и не шаг вперед — это изменение типа цивилизационного развития.

Можно отметить, обусловленные действием природно-климатических факторов, некоторые различия хозяйственных и экономи-

ческих укладов киевской и московской Руси, но они, видимо, не столь существенны и определяющего значения не имеют. Гораздо интереснее здесь другое обстоятельство. Некоторые современные историки полагают, что «Мир Домонгольской Руси был городским, став таковым очень рано... в XII в. от 1/5 до 1/4 населения Руси жило в городах. Не случайно скандинавы называли Русь страной городов — Гардарики. В XI—XII вв. не только русская культура, но и цивилизация были выше, чем в любом уголке Западной Европы. Мы достигли тогда, видимо, поголовной грамотности городского населения...»³. Городская цивилизация, характерная для киевской Руси, дольше всего и в наиболее полной мере сохранялась в Новгороде. Тогда как Русь московская — это крестьянская страна. Вопрос о том, какой из типов цивилизации более прогрессивен, в рамках философских парадигм индустриального общества решался конечно вполне однозначно — в пользу городской цивилизации. Однако еще О.Шпенглер показал, что урбанизированная техническая цивилизация — это не ее особый тип, а скорее — продукт длительного развития любой культуры, вырабатываемый в завершающей фазе этого развития. Во всяком случае, это отличие существенное, качественное.

Видимо, есть основания для того, чтобы согласиться с Л.Н.Гумилевым, который считал Киевскую Русь одним из государств, образовавшихся в завершающей инерционной фазе развития славянского суперэтноса. По его мнению, с первой половины XIII в. история России определяется возникновением и развитием, хотя и связанного со славянским культурно и генетически, но по сути нового великорусского суперэтноса. И речь здесь не об изменении антропологии, племенного состава этнического субстрата. Тюркские племена появились на Руси задолго до татаро-монгольского нашествия: и печенеги, и половцы, и булгары — давние соседи славян. О собственно этнических монголах говорить вообще не приходится, поскольку они в войске Батыя, по крайней мере, не составляли большинства. Л.Н.Гумилев полагает, что по сравнению с войсками сформированными из кочевников, присоединенных к монгольской державе в результате завоеваний, они были в подавляющем меньшинстве.

Изменился характер взаимодействия с окружающими народами и соседними государствами. В X—XII вв. в киевской Руси сложилось, находящееся в равновесии с окружающей природной и социальной средой, стабильное, самовоспроизводящееся, но не развивающееся общество. Это кстати точно характеризует инерционную фазу процесса этногенеза. Московская Русь находится в постоянном развитии. Л.Н.Гумилев называет причиной этого развития воздействие на поверхность Земли неких космических лучей, вызывающее микромутации на генетическом уровне, что приводит к появлению пассионариев — людей с особым, биологически запрограммированным на уровне подсознания стереотипом поведения. Более простой и приемлемой кажется логика «вызова — ответа», предложенная А.Дж.Тойнби. Просто само по себе изменение условий существования, связанное с монгольским завоеванием и усилившимся натиском Запада, не могло не привести к смене стереотипа соци-

ального поведения, что послужило толчком к дальнейшему развитию. Вероятно это и надо признать причиной рождения нового суперэтноса.

Возникает вопрос, каким же образом Киевская Русь могла быть органично включена в историю России? Что общего между Русью киевской и московской? Или это и есть яркая иллюстрация пресловутой прерывистости?

В XIII веке таким связующим звеном естественно была признана династическая преемственность. Потомки Рюрика правили в киевской Руси, они же стали и государями Всея Руси.

Однако родовая монархия, сложившаяся в киевский период, кардинально отличается, в том числе и порядком наследования власти, от самодержавного Московского царства. «Домонгольская Русь никогда не была объединена политически и никогда не имела общей столицы, ибо политическая мысль того времени не допускала приоритета одного князя над другим. Великий князь Киевский был лишь первым и наиболее уважаемым среди князей... Двух равноправных и равноуважаемых князей среди них не было, но «все князья обладали принципиально равным правом княжить» (определение В.О.Ключевского)»⁴. Л.А.Тихомиров, который был официально признан в качестве теоретика монархической государственности, пытаясь обнаружить зачатки принципа самодержавия в домонгольский период, в качестве примера приводит княжение Владимира Мономаха. Однако даже он вынужден признать, что «происхождение нашей княжеской и Великокняжеской власти, само по себе, не предсказывало и не обуславливало развития Самодержавия... Родовая княжеская идея впоследствии всегда была ограничительною для власти Великого Князя, и боролась против идеи Самодержавия, считая его узурпацией родового права Рюриковичей. Чистая монархия на такой почве не могла бы возникнуть, если бы не было других благоприятных для этого условий».⁵

Как это ни парадоксально, таким благоприятным (без всяких кавычек) обстоятельством оказывается татаро-монгольское иго. Внешне подобную мысль, высказанную еще до выхода книги Л.А.Тихомирова, мы можем обнаружить у популяризатора славянофильства, сына великого русского философа А.С.Хомякова. Он пишет: «мы нисколько не стесняемся допустить, что наглядное представление о Царе, выразившееся впервые в образе хана Золотой Орды, действительно способствовало к развитию в народе сознания о необходимости довершить осуществление своего политического идеала, ему наравне с другими народами Востока свойственного, в образе уже чисто русского Самодержца, по обширности и неограниченности власти вполне равного татарскому царю, но освещенного в своем полновластии тем христианским светом, который так ясно оттеняет Русь от сродного ей во многом, но отличного именно «по нехристианству» Востока»⁶. Можно кстати отметить, что евразийские по духу идеи появились задолго до оформления собственно евразийства Трубецкого — Карсавина, первой половины XX в.

«Говорят, будто Московские великие князья явились просто наследниками ханской власти ими отнятой...»⁷, — делает вывод из подобных приведенному высказываний Л.А.Тихомиров, и высту-

пает резко против таких трактовок. По его мнению, никакого даже чисто внешнего, формального заимствования здесь и быть не могло, просто нечего было заимствовать. Действительно, современные историки полагают, что у монголов была такая же, как и в киевской Руси, родовая монархия. С той только разницей, что титул и улус Великого хана, его ставка и лучшие войска доставались по наследству не старшему, а младшему в роде (так называемый минорат).

В какой то мере Л.А.Тихомиров согласен с тем, что внешнее давление способствовало формированию новой Руси как крепости, военного лагеря, подчиненного принципу единоначалия. Однако, по его мнению, внешнее порабощение и борьба с ним совсем не обязательно должны были вести к утверждению самодержавия, как принципа государственно-политического устройства. Пример Римской империи времен ее внешней самозащиты и возвышения действительно является здесь хорошей иллюстрацией. Л.А.Тихомиров считает, что кроме всего прочего «хаос татарского произвола» приводил к порче нравов, заставляя русских князей прибегать в борьбе за власть к самым безнравственным средствам. Но предательство, коварство, обман и т.п. — это, конечно, не есть обязательные атрибуты самодержавной монархии.

Западнические теории «догоняющего развития» от П.Я.Чаадаева до А.Л.Янова, подчеркивая указанные обстоятельства, характеризуют государственность московской Руси как изначально ущербную, деформированную и заимствованием «татарщины», и одновременно борьбой против «татарщины». И то, и другое превратили Россию в деспотическое государство с диктаторским режимом. «Необходимость централизации, — писал А.И.Герцен, — была очевидна, без нее не удалось бы спасти единство государства... События сложились в пользу самодержавия, Россия была спасена; она стала сильной, великой — но какой ценою? ...Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни»⁸. Вывод возможен и логичный, но каково качество исходных посылок?

Безусловно, монгольское завоевание имело для Руси огромное, судьбоносное значение, но было фактором только внешним. Его и можно назвать тем самым «историческим вызовом», ответом на который стало возникновение и развитие Московской Руси — России, то есть новой русской цивилизации. Этого ответа могло и не быть. Киевская Русь вполне могла повторить судьбу Рима и многих других, известных в истории цивилизаций, навсегда исчезнув с исторической арены. Строго говоря, она и исчезла, поскольку Русь московская — это новая, по ряду существенных признаков другая, цивилизация. Трудно однозначно ответить надо ли здесь говорить о возникновении нового великорусского суперэтноса, но такая точка зрения, и достаточно обоснованная, существует. По крайней мере, формы политического бытия москвитов и киевлян различны не менее чем географическое, геополитическое и культурное пространства их проживания.

И снова возникает вопрос о том, что общего между Русью киевской и московской, каким образом Киевская Русь стала органичной частью истории России в целом?

Л.А.Тихомиров считал татаро-монгольское иго благоприятным обстоятельством только в том смысле, что угнетенное и униженное состояние Руси способствовало прояснению христианского сознания народа и политической элиты. Когда было потеряно и разрушено все, оставалось уповать только на Бога, который осуществляет свою волю через самодержавного, не ограниченного ничем кроме этой воли монарха. Говоря современным языком — это традиционная легитимизация политической власти, основанная на не подверженных какой-либо критической рефлексии принципах. В отчаянной для народа, на грани жизни и смерти, пограничной ситуации, вполне естественным было обращение к безусловным ценностям, к традиции, не требующей никаких рациональных обоснований и пояснений. А основой унаследованной от предков и усвоенной от рождения традиции было Православие. Только благодаря этому обращение к традиции и могло способствовать прояснению христианского сознания.

Политическую доктрину Православия К.Н. Леонтьев называл византизмом. В современном политическом лексиконе под византизмом обычно понимают дворцовые интриги, «подковерную» борьбу и т.п. В XIX в. имелось в виду иное. Тогда под византизмом понималась идея власти как «божественной делегации» — власти помазанника, имеющей божественную природу. Это не означает ни того, что политическая власть осуществляется самой церковью или особым жреческим сословием («папоцезаризм»), ни обожествления и оцерковления самой политической власти в лице монарха («цезаропапизм»). Догматическая православная теория симфонии церковной и светской властей, действительно заимствованная из Византии, применительно к российским реалиям до тонкостей была разработана в философии соборности А.С.Хомякова. Он же детально проанализировал и основные принципы европейских монархий, показав отклонения от первоначальной христианской догмы, характерные для католицизма и протестантизма.

«Внешняя связь событий так соблазнительно ясна и проста: вместе с христианством пришла идея единодержавия»⁹, — пишет более близкий к современности монархист, автор «Народной монархии» И.Л.Солоневич. Не вдаваясь в нюансы, он отвергает какие бы то ни было доводы религиозного порядка. Свое скептическое отношение к профессорам философии и теологии он распространяет и на сами эти теории. По его словам, «если мы примем теорию Помазания, то нам очень трудно будет объяснить пять цареубийств за сто пятьдесят лет». Если бы идеальные формы могли быть воплощены в практике, то «мы имели бы в лучшем случае царство Божие на земле, а в худшем — Божью республику»¹⁰.

Вот здесь и надо подчеркнуть, что связь между Византией и Россией — это в первую очередь связь идейная, можно даже сказать духовная. Приходится признать, что это были две разные попытки, но воплощения одного идеала. Идейную близость здесь отрицать невозможно, независимо от отношения к идеальной и вообще рациональной мотивации, которую сегодня принято почему-то считать слишком поверхностной и внешней. Для государства не менее, а возможно и более важно, чем для отдельного человека разумного

знать смысл своего существования. Ведь государство — это общность людей.

Есть, впрочем, и некоторые обстоятельства чисто политического характера. Современные историки так описывают ситуацию того времени. «В XIV столетии любой русский, побывавший в Константинополе или хорошо осведомленный о тамошних делах, понимал, что православное царство идет к закату и, скорее всего не выживет. А уж грек то в этом точно не сомневался. Посмотрите, как действуют разноэтничные русские митрополиты в XIII—XV вв.: галичанин Кирилл, грек Максим, галичанин Петр, грек Феогност, москвич Алексей, болгарин Киприан, грек Фотий, рязанец Иона. Одно не меняется никогда: установка на создание Российской державы. Ее Церковь и готовила — как преемницу уходящей Византии»¹¹.

Итак, попробуем сопоставить Русь киевскую и московскую, теперь в их отношении к Византии. Формально крещение Киева означало то, что киевляне становились подданными императора Византии, а их князь — его, условно говоря, «вассалом». Фактически — это был союзнический договор между суверенными государствами о дружбе и взаимопомощи, хотя каждая из сторон могла представлять и понимать его в выгодном для себя свете. Московская Русь последовательно шла к идее «Третьего Рима», становясь мировой христианской империей — преемницей Византии, и даже составляя поначалу конкуренцию ей.

Это было бы невозможно не будь Русь изначально государством православным, если бы Православие не стало безусловно традицией, без какой бы то ни было критической рефлексии воспринятой от предков. Очевидно, что традиция была переосмыслена в изменившихся исторических условиях, но главное — было что переосмысливать.

Таким образом, вполне можно согласиться с тем, что «в качестве имперцев русские были воспитаны друзьями; государственниками их воспитали враги, а православными они родились, ибо приняли христианство вдумчиво и не торопясь еще в первом тысячелетии нашей эры»¹². Именно это последнее обстоятельство и позволило воспринимать Русь московскую не просто как непосредственную преемницу Руси киевской, но как то же самое государство. А их история воспринимается как единая, хотя и прерванная татаро-монгольским нашествием. Роль Православия, воспринятого киевской Русью, представляется еще более значительной, если учитывать влияние церкви на формирование обрядово-бытовой стороны культуры, летописной традиции, литературной и вообще языковой нормы.

БИЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 7.

² Гипотезу о Русском каганате в Приазовье см.: Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь, 1999. С. 287—293.

³ Махнач В.Л. Что такое Россия? // Россия — последняя крепость (Книга вторая). Кострома, 2001. С. 25.

⁴ Махнач В.Л. Цит. соч. С. 26.

⁵ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С-Пб., 1992. С. 215.

⁶ Хомяков Д.А. Православие, самодержавие, народность. Минск, 1997. С. 146.

⁷ Тихомиров Л.А. Цит. соч. С. 221.

⁸ Герцен А.И. Соч. Т. 3. М., 1956. С. 403—404.

⁹ Солоневич. И.Л. Белая империя. М., 1997. С. 96.

¹⁰ Солоневич. И.Л. Цит. соч. С. 75.

¹¹ Махнач В.Л. Цит. соч. С. 49.

¹² Махнач В.Л. Цит. соч. С. 49.

Т.А.СНИГИРЕВА, А.В.ПОДЧИНЕНОВ

«МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ»

В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX — XX вв.

Думается, нет смысла идеализировать семейные отношения в России. По мнению В.В.Розанова, несчастливость русской семьи — ее важнейшая характеристика: «Семейная жизнь не крепка и не красива у русских, кроме исключительных случаев»¹. В этом видит автор некогда скандальной книги «Люди лунного света» причину позднего, но непременного прихода русского человека к религии, вере, прихода в церковь, которая в итоге заменяет ему дом, уют, дает не обретенное в семье чувство родства: «... В юности и мужестве русские не посещают храмов, учащиеся часто кошатываются в них. Но вот эти самые кошатывавшиеся люди переходят за пятидесятилетний возраст. Приходят болезни, давно наступили семейные тяготы. Богатство или утеряно (частый случай у непрактичных, у расточительных русских), или не приобретено — как рассчитывалось в молодости. Дети уже поднялись и, заботясь о себе, мало думают о родителях (...). Итак, богатства — нет, слава — не нужна, дети — похолодели. В этом возрасте человек чувствует себя одиноким, ненужным, лишним. Вдруг, зайдя случайно в храм, он находит здесь все родным себе, в высшей степени понятным, страшно нужным. Храм точно и ожидал этих его 50 лет, и еще лучше — 60; ожидал его болезней, сгорбленности, бедности, покинутости родными и друзьями; храм принимает его с бесконечной нежностью, заботой, всепрощением за прошедшую несправедливую жизнь»².

Русская семья советской эпохи, провозглашенная «ячейкой» нового общества, не стала от этой декларации счастливее, однако художественное осмысление несчастливости русской семьи «по-советски» шло разными, можно сказать альтернативными путями. Первый ставит под сомнение саму возможность счастья, ограниченного семейным кругом: человек не может быть счастлив в семье, поскольку его высшее предназначение — служение обществу. Второй путь предполагает иную точку зрения: в советскую эпоху человек не может быть счастлив в семье, поскольку семья разрушена, уничтожена новой государственностью, и это оценивается как еще один знак катастрофичности судьбы России в XX в.

В силу того, что движение национальной жизни происходило путем сломов, резких изменений в рамках жизни одного поколения, литература сконцентрировала свое внимание на «мысли семейной» в своеобразном аспекте. Для двадцатого века прототипичным становится роман «Анна Каренина», но роман «Отцы и дети», порой — «Тарас Бульба».

Ситуация конфликта поколений в судьбе России XX в. и, как следствие, в литературе складывалась по крайней мере трижды. Пер-